

Славянский чертежник: этимология слав. **čьrtь* ‘черт’

В настоящей работе обсуждается славянское наименование черта, которое реконструируется как **čьrtь* на общеславянском уровне, но не имеет очевидных индоевропейских когнатов. Типологические параллели из других индоевропейских мифологических традиций, в первую очередь армянские и анатолийские данные, приводят автора к заключению, что праславянское **čьrtь* может быть интерпретировано как обозначение неземного чертежника, определяющего человеческие судьбы. Постепенно этот бог судьбы стал восприниматься как ангел смерти, что и привело к его синкретизму с дьяволом — воплощением зла в христианской традиции.

Ключевые слова: этимология, черт, славянский, армянский, анатолийский.

1. Введение.

Убедительная этимология лексемы с нетривиальным семантическим развитием не должна сводиться к внешним лингвистическим соответствиям¹. Следует также представить сценарий того, как могли развиваться новые значения, в идеале сопроводив их типологическими параллелями из других языков. Корректное лингвистическое сравнение не обязательно влечет за собой правильное понимание эволюции значения. Для иллюстрации этой идеи я хотел бы обратиться к случаю, когда когнаты были подобраны корректно, но этимология опирается на неубедительную семантическую реконструкцию, и предложить лучшую альтернативу. Хочется надеяться, что данный пример окажется небезынтересным также и для индоевропейской сравнительной мифологии.

2. Славянский ‘черт’.

Рефлексами праслав. **čьrtь* являются польское *czart* ‘черт, дьявол, злой дух’, чешское и словацкое *čert* ‘черт, злой дух; беда’, верхнелужицкое *čert* ‘черт, демон’, нижнелужицкое *cart* ‘черт, дьявол’, русское *чёрт*, украинское и белорусское *чорт* ‘черт, дьявол’ (Трубачев 1977: 164). Наличие потомков этой лексемы в южнославянских языках является предметом дискуссии. Проще всего считать словенское *črt* ‘черт’ ученым заимствованием из других славянских языков (Bezljaj 1977: 89), которое могло распространиться посредством искусственно

¹ Первая версия настоящей статьи была представлена на XIV Конгрессе Indogermanische Gesellschaft в Копенгагене (2012 г.). Я благодарен участникам конгресса за комментарии и предложения, послужившие улучшению настоящей статьи. Особую благодарность я выражаю Вацлаву Блажеку (Брно), Александру Лубоцкому (Лейден), Крэгу Мелчерту (Лос Анджелес) и, особенно, Грачу Мартиросяну (Лейден). Алексей Касьян (Москва), Армен Петросян (Ереван) и Крешимир Вукович (Оксфорд) помогли мне с рядом библиографических ссылок. Ответственность за высказанные в данной работе суждения лежит, разумеется, на ее авторе. Работа над финальной версией статьи была поддержана стипендией имени Гумбольдта во время моего пребывания в Марбургском университете. Задержка с публикацией материалов конгресса, а также особый интерес, который данная работа может представлять для русскоязычного читателя, побуждают меня представить ее русскую доработанную версию для публикации в «Вопросах языкового родства».

созданного личного имени *Črtomir*². Заимствованное происхождение труднее продемонстрировать для лексемы *črt* ‘ненависть, вражда’, зафиксированной в словенском языке XIX века (см. Трубачев 1977: 164 и ссылки). Хорватское *črt* ‘черт’ также встречается в источниках XIX века, и его объяснение через раннее заимствование из словенского не является убедительным ввиду наличия этого корня в местных топонимах (Katičić 2003—2004: 260—263). Таким образом, нельзя исключать гипотезу о том, что рефлекс праславянского **čvrtь* встречался и на Балканах до того, как был там замещен различными эвфемизмами, такими, как *vrag*.

Был ли исконный **čvrtь* утерян в общеюжнославянском или в отдельных южнославянских языках, сравнение между восточно- и западнославянскими языками оправдывает его реконструкцию для праславянского³. Однако в самом праславянском языке он, по-видимому, являлся инновацией по сравнению с более архаичным обозначением злого сверхъестественного существа, сохранившемся в балтийских языках. Литовское *vėlnias* и латышское *velns* ‘черт’ связаны на синхронном уровне со словами, обозначающими духи мертвых: лит. *vėlės*, лат. *velis*. Эти лексемы относятся к тому же индоевропейскому корню, что и древнеисландское *valr*, древнесаксонское и древневерхненемецкое *wal* ‘воин, убитый на поле брани’, откуда, несомненно, происходит и название валькирий, досл. «выбирающих мертвых» (Fraenkel 1962—65: 1218—19; Smoczyński 2007: 731, 732). Несмотря на невозможность провести формальную реконструкцию общего теонима из балтийских и германских когнатов со значением бога — покровителя мертвецов, концепт такого божества вполне вероятно является по происхождению северноиндоевропейским⁴. В то же время, праслав. **čvrtь* представляется совершенно изолированным в рамках индоевропейского религиозного лексикона⁵.

3. Формально неприемлемые этимологии

Если **čvrtь* представляет собой исключительную славянскую инновацию в области индоевропейской демонологии, весьма вероятно, что его деривационная основа также сохраняется в славянских языках. Ранние гипотезы относительно славянской деривации

² Период формирования словенского литературного языка совпал с периодом творчества поэта-романтика Франца Прешерна (1800—1849), чье влияние на последующую литературу в Словении трудно переоценить. Его эпическая поэма *Krst pri Savici* («Крещение при Савице») изображает протагониста с именем *Črtomir*, формально являющимся дериватом от *črt*. Языческий воин Чртомир в конце концов принимает христианство под влиянием своей возлюбленной Богомилы. Я глубоко признателен Гашперу Бегушцу (Любляна), который подтвердил, что имя Чртомир, повидимому, не использовалось в Словении до Прешерна, несмотря на его популярность в наши дни.

³ Несмотря на то, что рус. *чёрт*, мн. *черти* засвидетельствован лишь с XVI или даже начала XVII веков, гипотеза о том, что это существительное было заимствовано из польского *czart* (Раденкович 2014) представляется неприемлемой по формальным соображениям. Чередование *e / ě* в корне и архаическое множественное число на *-и* указывают на то, что данная лексема уже существовала в общевосточнославянском.

⁴ Несколько иной подход к этимологии балтийского слова для ‘черта’ был предложен Ивановым и Топоровым (1974: 31—74). Российские ученые сравнивают лит. *vėlnias* со славянским теонимом Велес / Волос и ведическим демоном Вала, предполагая, что они представляют собой различные трансформации индоевропейского хтонического божества, главного оппонента бога грозы, а также властелина (или похитителя) скота. Доказательство этой гипотезы поднимает большой пласт вопросов, касающихся реконструкции праиндоевропейского пантеона, рассмотрение которых находится за рамками настоящей статьи. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что гипотеза Иванова и Топорова 1977 года только подкрепляет архаический характер лит. *vėlnias* и лат. *velns* по сравнению с праслав. **čvrtь* ‘черт’.

⁵ См. также попытку Дуковой (1984) найти мифологические существа, которые обозначались бы когнатом лексемы **čvrtь* вне славянских языков. Дукова предлагает древнеисл. *skrati* ‘тролль’ и древневерхненем. *scraz* ‘фавн’ как возможные соответствия. Это сравнение невозможно, поскольку германские формы требуют реконструкции **scrod°* (vel sim.).

*čbrťь собраны, например, в словарях Vasmer 1953—58, III: 328 и Bezlaj 1977: 89, но ни одна из них не убедила авторов соответствующих словарей и не стала более вероятной в свете новейших открытий⁶. В самом деле, две из них имеют очевидные формальные недостатки. Гипотеза о родстве с унаследованным праслав. *čbrnъ ‘черный’ (~ вед. *kr̥ṣṇá-* ‘id.’) ostавляет без объяснения суффикс *-t-*, а связь с русским *терять* невозможна не только ввиду необъяснимой палатализации *k > č*, но и поскольку примеры данного глагола ограничены восточнославянскими языками. Какие бы семантические соображения ни приводились бы в пользу *черта* как «черного» или «потерянного», соответствующие этимологии сталкиваются с непреодолимыми формальными препятствиями.

То же самое можно сказать и об этимологии *čbrťь, которой отдали предпочтения Vasmer и Bezlaj (loc. cit.), исходя из допущения, что словообразовательная база славянского существительного наличествует в балтийском. Цитирую Фасмера: «Ursl. *čbrťь wird als *-to- Part. ‘der Verwünschte’ und für verwandt angesehen mit lit. *kyrėti* ‘böse werden’, *i-kỳrti* ‘sich ekeln’, *ap-kyrėti* ‘überdrüssig werden’, *i-kyrùs* ‘lästig, aufdringlich’, *kerėti* ‘mit bösem Blick bezaubern’». Отсутствие славянских когнатов само по себе говорит против данной корневой этимологии. Что, однако, более существенно, ни одна из балтийских форм не является семантически совместимой с Фасмеровской реконструкцией *черта* как ‘проклятого’. К тому же, все процитированные формы, за исключением *i-kỳrti* ‘заикаться’, представляют собой стивные образования на *-ē-, не образующие *-to- причастий в праславянском. Таким образом, можно лишь согласиться с оценкой Трубочева (1974—, IV: 165): «Каким образом при этом могло получиться причастие на *-to-* со значением ‘проклятый’ ... остается для нас загадкой, авторы, кажется, не очень считаются с семантикой и морфологией привлекаемых для сравнения основ»⁷.

Единственная этимология *čbrťь, упомянутая Фасмером и Безлаем, которую можно считать формально приемлемой, связывает эту лексему с лат. *curtus* ‘короткий, обрубленный’, вероятно, произведенным от и.-е. *(s)ker ‘обрезать, обрубить’ (Rix 2001: 556—57). С формальной точки зрения, можно предполагать, что мы имеем дело с лексическими когнатами и прямыми рефлексамы этимологического причастия *kr-to-. Эпитет *черта* «куцый», разделяемый рядом славянских традиций, мог бы представлять собой семантическую мотивацию для обсуждаемой этимологии (Черных 1993, II: 384). Против данного решения, однако, говорит тот факт, что единственным славянским глагольным рефлексом и.-е. *(s)ker является диалектное укр. *čru (Rix 2001: 557), а сама лексема *čbrťь не встречается в функции прилагательного. Заметим, что праслав. *kortьь ‘короткий’ произведено от и.-е. *(s)kert ‘резать’, вероятно, вариант и.-е. *(s)ker с расширителем, выделившийся в отдельный корень уже на праиндоевропейском уровне (Rix 2001: 559—60). Если бы *čbrťь ‘куцый’ > ‘черт’ было внутриславянским развитием, следовало бы ожидать больше когнатов данного корня в славянских языках.

4. Семантически проблематичные этимологии.

В последние десятилетия в славистических кругах завоевала популярность другая этимология *čbrťь. С формальной точки зрения, славянская лексема может представлять

⁶ Ср. также современный обзор этимологий *черта* в статье Березович, Виноградов 2012.

⁷ Следует отметить, что лит. *kerėti* ‘ворожить’ этимологически не связано с другими литовскими лексемами, приводимыми Фасмером. Это прозрачный когнат лит. *kerai* ‘колдовство’ и менее очевидный когнат лит. *kùrti* ‘строить, сооружать’ (Smoczyński 2007: 277). Относительно семантического перехода ‘строить’ > ‘колдовать’, см. ниже. Что касается лит. *i-kyrùs* ‘назойливый, навязчивый’ и родственных лексем, их индоевропейская этимология не установлена, однако они не могут являться когнатами *kùrti* ‘строить, сооружать’ ввиду различий в значении и в корневом вокализме.

собой отглагольное имя, производное от праслав. *čersti / čbrtq ‘чертить, бороздить’, родственное лит. kiřsti / kertù ‘рубить’. Обсуждаемый балтославянский корень является еще одним рефлексом и.-е. *(s)kert ‘резать, рубить’, упомянутого в предыдущем разделе. Подобное существительное едва ли могло быть унаследовано из праиндоевропейского, где простые тематические именные производные отглагольных корней чаще всего характеризовались *o*-вокализмом (ср. тип τόμος / τομός в древнегреческом). В истории славянских языков, однако, получили развитие вторичные тематические производные с нулевой ступенью корня. Они, как правило, соответствовали нулевой ступени корневого вокализма производящего глагола. Например, от праслав. *smьrděti / smьrdjō ‘смердеть, вонять’ было образовано первичное имя действия *smordь ‘смерд, вонь’ и вторичное имя деятеля др.-рус. smьrdь ‘смерд’, досл. «вонючка» (Vasmer 1953—58, II: 671, 676). Другое инновативное образование с нулевой ступенью корня отражено в ст.-слав. tlьkvь ‘толмач’, образованном от и.-е. корня *tlok^w, сохраненного в лат. loquī ‘говорить’ (Vasmer 1953—58, III: 115) или от праслав. *telkti / tlьkq ‘толочь’ (Vaillant 1974: 249)⁸. Еще чаще инновативные производные с нулевой ступенью корня используются в значении имен действия или объекта, ср., напр., др.-рус. tlьkvь ‘толк’ (Vasmer 1953—58, III: 115). Другим дериватом подобного же рода является сербскохорватское и словенское *o-črt* ‘контур’, относящееся к тому же корню, что и вышеупомянутое *čersti / čbrtq ‘чертить, бороздить’ (Vaillant 1974: 239). Наконец, славянские производные *a*-основы с нулевой ступенью корня, подобные *čbrta ‘черта’ (Vasmer 1953—58, III: 328) можно рассматривать как дополнительный вариант той же словообразовательной модели. Очевидно, что если от глагольной основы можно было произвести вторичное *nomen rei actae* с нулевой ступенью корня, от нее также можно было произвести и *nomen agentis* с нулевым корневым вокализмом.

Таким образом, сопоставление между славянским обозначением злого духа и производящего глагола со значением ‘чертить, бороздить’ является формально безупречным. В самом деле, праслав. *čersti / čbrtq является единственной распространенной глагольной основой, от которой может быть образовано производное существительное *čbrtь. Однако, семантика предложенной деривации ни в коей мере не является очевидной и в прошлом служила основанием для различных интерпретаций.

Первая такая попытка была предпринята в работе Brückner 1918: 174 и разработана в статье Jacobson 1959: 276 (без ссылки на Брюкнера). Согласно Брюкнеру, *čbrtь первоначально обозначало ‘колдун’. И Брюкнер, и Якобсон связывают данное существительное с праслав. *čbrta ‘черта’, а также *čara ‘черта’, засвидетельствованном в западославянских. Якобсон определяет чеш. čára как «a borderline up to which something is permitted or magically prohibited, e.g. the line which marks the so-called magic circle (where the evil demons retain or lose their power)». Мы увидим, что волшебство, осуществляемое за защитной чертой, релевантно и для моих собственных построений. Но этимологическая связь между *čara и *čbrta представляется проблематичной, поскольку *čara непосредственно связана со ст.-слав. čarь ‘колдовство, чары’, лит. kerėti ‘ворожить’ и другими архаичными производными от и.-е. *k^wer ‘строить, сооружать’, не сохранившегося или плохо сохранившегося в виде финитного глагола в праславянском. В качестве типологической параллели к подобному семантическому переходу можно привести др.-исл. gørningar ‘дела, деяния, магия, колдовство’, производное от gørva ‘делать’ или скр. kṛtya- ‘дело, деяние, магия, колдовство’ от kar ‘делать’, в конечном итоге восходящего к тому же и.-е. *k^wer ‘строить, сооружать’. Таким образом, связь между чеш. čára и черчением, вероятно, вто-

⁸ Семантический переход ‘толочь’ > ‘переводить’ обсуждается в работе Vaillant 1974 (loc. cit). В качестве дополнительной типологической параллели ср. рус. *молоть чепуху*.

рична, как и связь между *čьrta ‘черта’ и колдовством, хотя, как мы увидим, вторая ассоциация и восходит к праславянской эпохе. Поэтому в той мере, в какой сценарий Брюкнера и Якобсона поддается реконструкции, он представляется основанным на народной этимологии⁹.

Другая реконструкция того, каким образом *čьrtь может быть связан с *čьrsti / čьrtq ‘чертить, бороздить’, была детально разработана Трубачевым (Трубачев 1974—, IV: 166). Отправной точкой данного сценария является слов. čft ‘раскорчеванное место, межа’. Трубачев полагает, что данная лексема совместима со значением производящего глагола ‘копать’, каковое значение сосуществовало со значением ‘чертить, бороздить’ или даже ему предшествовало. Если это так, то *čьrtь мог исходно являться именем деятеля со значением ‘землекоп’, уместным для подземного духа. Особым указанием на склонность черта к земляным работам является распространенный топоним *čьрто-ryjь, досл. ‘прорытый чертом’, употребляемый по отношению к различным оврагам и промоинам (Трубачев 1974—, IV: 163—4). Наконец, в той же работе приводятся другие предполагаемые производные от обсуждаемого корня, а именно, ц.-слав. krьtь ‘крот’ и лит. kertùkas ‘землеройка’, которые также могли исходно значить ‘землекоп’ (Трубачев 1974—, XIII: 58—9).

Оценка данной этимологии напрямую зависит от убедительности реконструкции значения ‘копать’ для *čьrsti / čьrtq в праславянском. Насколько я могу судить, в анализе Трубачева она не подкрепляется вескими аргументами. Прямое сравнением между праслав. *čьrtь ‘черт’ and *krьtь ‘крот’ невозможно по формальным причинам, как и признает и сам Трубачев, поскольку первая лексема отражает палатализацию *k > č перед рефлексом слогового *r̥, тогда как вторую можно возводить только к *krutu/o¹⁰. Спекуляции относительно «единства корня kūr и ker», подкрепляемые ссылками столетней давности, могут лишь скомпрометировать современное лингвистическое исследование. Словенский ландшафтный термин čft, несомненно, этимологически связан с праслав. *čьrsti / čьrtq, однако, не требует изоцированной семантической реконструкции, поскольку его значение тривиально выводится из производящего глагола ‘рубить (дерева)’ или ‘бороздить (межу)’. С другой стороны, хотя демоны и ассоциируются с подземным миром в славянской и во многих других традициях, отсюда отнюдь не следует, что их основной функцией считались земляные работы. Для древних славян было естественным приписывать овраги и промоины (*čьрто-ryjь) дьяволу, а не Богу по причине их уродливого вида и потенциального вреда для сельского хозяйства. Однако славяне также использовали рефлекс *čьрто-polxь досл. ‘чертов ужас’ для различных неприятных растений и ядовитых грибов (Трубачев 1974—, IV: 163). Суммируя вышеизложенное, гипотеза Трубачева является формально ущербной и семантически избыточной.

⁹ С чисто формальной точки зрения, *čьrtь можно реконструировать как страдательное причастие *k^wr̥-to- от того же корня, что и ст.-слав. čarь ‘колдовство, чары’. Недостатком данной этимологии является, с одной стороны, отсутствие финитных рефлексов и.-е. *k^wer в праславянском, а с другой, сложности с возведением обозначения злого духа к страдательному причастию ‘заколдованный’ (скорее, ожидалось бы ‘колдующий’!). Заметим, что *čьrtь не мог быть произведен от дескриптора ‘находящийся за чертой’, поскольку здесь ожидалось бы префиксальное образование, напр., **za-čьrtь или **otь-čьrtь.

¹⁰ Напротив, лит. kertùkas ‘землеройка’, действительно, может являться производным от kīrsti / kertū ‘рубить’ (Fraenkel 1962—65: 223 sub kařstas). Этого, однако, недостаточно для реконструкции исходного значения ‘копать’ для более ранней стадии семантического развития kīrsti / kertū, поскольку обозначение землеройки вполне могло быть основано на метафоре разрубания земли. Сходным образом, англ. cutter ‘катер’ не предполагает, что исходным значением производящего глагола to cut является ‘плыть’.

5. Предпосылки для семантического анализа.

Общей особенностью этимологий, обсуждавшихся в предыдущем разделе, было то, что все они исходят из специфических особенностей сверхъестественного существа, известного как черт. Такой подход, разумеется, вполне оправдан, если иметь дело с хорошо сохранившимися религиозными традициями. Его достоинство менее очевидно в применении к славянской религии, которая перестала существовать как таковая с приходом христианства и не оставила за собой первичных письменных источников. Хотя некоторые славянские демоны и сохранили за собой специфические функции после христианизации Восточной Европы, это в меньшей мере относится **čьrtь*'у, который подвергся синкретизации с падшими ангелами христианства и их предводителем Дьяволом / Сатаной. В частности, ни защитная черта, упоминаемая Якобсоном, ни хтонические ассоциации черта, используемые Трубачевым в своей работе, не являются особенностями славянского демона, а, скорее, отражают общие черты средневековой христианской демонологии. Поэтому ни одна из этих особенностей, вероятно, не была связана с **čьrtь*'ом в дохристианской религии славян.

По существу, для реконструкции исходной функции **čьrtь*'а существенны лишь два соображения. С одной стороны, поскольку **čьrtь* не является калькой какого-либо известного эпитета Сатаны, данный термин, вероятно, уже употреблялся славянами-язычниками для обозначения сверхъестественного существа. С другой стороны, это имя или титул не имеет очевидных индоевропейских когнатов, относящихся к той же сфере, а его внутренняя форма предполагает реконструкцию производного имени деятеля от производящей основы **čьrsti / čьrtq* 'чертить, бороздить'. Поэтому **čьrtь* может быть реконструирован как «чертежник», исходя из чисто структурных соображений. Для того же, чтобы оценить вероятность данной гипотезы, следует опираться на типологические параллели. Если подобных «чертежников» можно обнаружить в других религиозных традициях с коннотациями, способствующими их демонизации, это может как подкрепить обсуждаемую этимологию черта, так и помочь реконструировать функции **čьrtь*'а в дохристианском славянском пантеоне.

6. Иранские параллели?

Одна из потенциальных параллелей засвидетельствована в иранских языках. Иранский глагольный корень **kart* 'резать', рефлекс того же самого и.-е. **(s)kert*, который дал и праслав. **čьrsti / čьrtq*, приобрел вторичное терминологическое значение 'стряпать (творить) злые существа' в зороастрийской традиции. Обычным творцом в таких случаях является Ахра Манью / Ахриман — воплощение и создатель зла. В авестийском языке сотворение злых существ обычно выражается глаголом *kart* с префиксом *fra-* или его производными (добрые акты творения передаются глаголом *θβarš* с теми же приставками). Например, оппонент героя Фраетаона описывается как «весьма могучий демон-друдж, которого состряпал (*fracā kərəntat*) Ахра Манью против материального мира, ради сокрушения творений Правды» (Ясна 9.8, ср. Pirart 2004: 66—67). Родственный среднеперсидский глагол *kirrēn-* 'стряпать (творить) злые существа' используется без префикса (Расторгуева и Эдельман 2000 —, IV: 312)¹¹.

Существуют обильные свидетельства доисторических контактов между иранцами и славянами, отразившиеся в заимствовании ряда религиозных терминов, таких как **bogъ*

¹¹ Можно осторожно предположить, что иранский корень **kart* скрывается в первой части среднеперсидского композита *kerdagār* (пехлеви ⟨krtk'1⟩, манихейское ⟨kyrdg'r⟩) 'творец' (ср. MacKenzie 1971: 49, где данное слово переводится как 'могучий').

‘бог’ and **rajь* ‘рай’¹². Тем не менее, гипотеза о заимствовании славянами зороастрийского концепта злого творца сталкивается с непреодолимыми трудностями. С одной стороны, нет никаких оснований полагать, что те иранцы, от скифов до аланов, которые находились в контакте со славянами, следовали учению Заратуштры. Вместе с тем, маловероятно, что терминологическое использование иранского корня *kart* для сотворения злых существ, или даже религиозная доктрина о такого рода деятельности, существовали до развития зороастрийского дуализма. С другой стороны, семантика праслав. **čersti / čьrtь* не содержит и тени указания на акт творения и не обладает пейоративными коннотациями, тогда как авестийский язык не сохранил производного имени деятеля для злого демиурга. Данная комбинация исторических и лингвистических нестыковок заставляет меня пойти по другому пути в поисках славянского чертежника.

7. Анатолийские чертежницы.

Сравнительная информация иного рода доступна из анатолийских текстов бронзового века. В анатолийских языках встречаются генетически родственные теонимы, такие как хеттское ^d*Gulses* (мн.ч.), лувийское ^d*GUL-za-* = /*kwanza-*/ (ед.ч), и палайской ^d*Gulzannikes* (мн.ч.), связанные с лувийским глагольным корнем, засвидетельствованным в хеттском *guls-* и лувийском *GUL-za(i)-* ‘царапать, писать’, а также в лувийском *GUL-zattar* ‘чертеж, черновик’ (ср. Kloekhorst 2008: 492—93)¹³. Многочисленные контексты, в которых хетт. ^d*Gulses* встречается в клинописных текстах из Хаттусы, позволяют неплохо реконструировать их функции (ср. Naas 1994 и, в особенности, Otten 1971). Данная группа богинь происходит из подземного мира, привлекается к заботе о новорожденных и часто ассоциируется с месопотамской богиней-матерью DINGIR.MAḪ. Их основной задачей было, однако, записывать (*guls-*) человеческие судьбы. Вероятно, по этой причине их иногда называли «злыми» (KUB 58.108 i 5), тогда как к неудачнику можно было обратиться с утешением ‘тебя обидели Гулсы’ (KUB 23.85 rev. 6). Кроме того, они определяли время смерти каждого человека. Аккадско-хеттская билингва содержит аккадское выражение *a[-na] u₄-mi [ši-ma-]ti-ka* ‘в день твоей судьбы’, чему в хеттском тексте соответствует *GIM-an=ma=(t)ta* ^d*Gulsas* UD.KAM-*us tianzi* ‘когда для тебя наступят дни Гулс’ (KBo 12.70 obv.² 14 ff., ср. Taracha 2000: 186, fn. 89)¹⁴.

¹² Ряд ученых утверждал, что праслав. **bogь* ‘бог’ не заимствован из праир. **baga-* ‘бог’, а является его когнатом (ср. Трубачев 1974—, II: 161—63). Решающий аргумент против исходного генетического родства между этими двумя терминами оказался доступным с открытием закона Винтера. В качестве *tertium comparationis* в данном случае выступает ведийский теоним Бхага, подтверждающий непридыхательный характер индоиранского *-g-. Поэтому славянский когнат данной лексемы звучал бы как ***bagь* с рефлексом компенсаторного удлинения.

¹³ В соответствии с гипотезой, развитой в работе Waal 2014, теоним ^d*Gulses* следует читать как ^d*GUL-ses*, где *GUL* — шумерограмма с базовым значением ‘ударять’. Ваал также предлагает сопоставить лувийский глагол, известный как *GUL-za(i)-* в клинописной передаче, с глаголом *REL-za-* (= *kwal-i-za-*) иероглифических надписей и приписать получившемуся глаголу терминологическое значение ‘писать иероглифами’. Моя реакция на данную гипотезу, которую я принимаю для лувийского, но не для хеттского языка, представлена в работе Yakubovich 2013. Для целей настоящей работы достаточно отметить, что принятие или отклонение гипотезы Ваал не отменяет этимологической связи между анатолийскими именами божеств судьбы и глаголом ‘писать’. Между тем, для аргументации настоящего раздела существенна лишь данная этимология.

¹⁴ Перевод Тарахи отличается в случае хеттского предложения: ‘когда Гулсы установят твои дни’. Перевод, приведенный выше, любезно предложенный мне К. Мелчертом, предполагает, что сказуемым в данном предложении является *tiya-mi* ‘ступать’, а не *dai / tiya-hi* ‘ставить’. Данная гипотеза является предпочтительной, поскольку окончания именительного падежа множественного числа на *-as* в хеттском являются редкими и нерегулярными, тогда как окончания на *-us* широко распространены и даже обобщены в позд-

Синхронная связь между именами анатолийских богов судьбы и анатолийским глаголом для письма требует отдельной дискуссии. Хеттская цивилизация в позднем бронзовом веке была знакома с грамотой и даже использовала две различные системы письма: месопотамскую клинопись и туземные анатолийские иероглифы. Тем не менее, не-тривиальные фонетические различия между хетт. ^d*Gulses*, лув. ^d*GUL-za-* = /kwanza-/, и пал. ^d*Gulzannikes* предполагают, что если эти теонимы действительно связаны друг с другом, речь не идет о недавних заимствованиях, а скорее о рефлексах общеанатолийского прототипа или результате древней диффузии. Каким же образом могли пониматься имена божеств судьбы в конце III — начале II тыс. до н.э.? Можно предположить, что праанатол. **guls-* (vel sim.) обладал значением ‘чертить, рисовать пиктограммы’, тогда как производный теоним имел значение ‘чертежник’ или ‘чертежница’, представляя тем самым типологическую параллель к праслав. **čbrtvь*.

Разумеется, невозможно строго доказать, что анатолийским мойрам приписывалась способность влиять на человеческую судьбу посредством черчения или манипуляции пиктограммами. Однако, известно, что сами хетты пользовались подобными средствами, чтобы получить представление о будущем. Популярным методом гадания среди хеттов была клеромантия, известная также как KIN-оракулы в хеттологической литературе. Сущностью данной практики, проинтерпретированной в работе Archi 1974, была манипуляция случайными символами при помощи случайного «медиума», приводящего их к случайной цели. Символы, «медиумы» и цели могли быть как положительными, так и отрицательными. К последней группе принадлежали, например, такие понятия, как Враг, Зло или Великий грех (термин для обозначения смерти царя или царицы). Archi (ibid: 130—131) осторожно предполагает, что процедура гадания заключалась в наблюдении над животными. Определенное животное могло попасть на площадку для гадания через те или иные ворота, тем самым взяв на себя функции «медиума», дотронуться до определенных символов и метафорически привести их к определенной цели, то есть к выходу с площадки для гадания. Можно предположить, что набор пиктограмм использовался для обозначения различных входов и выходов, а также символов на площадке для гадания. Насколько можно судить, подобный тип гадания был крайне редким на Ближнем Востоке за пределами Анатолии. Все вышеизложенное согласуется с гипотезой о том, что идея «предначертания судьбы» предшествовала грамотности на территории Малой Азии.

8. Черт и гадание у славян.

Теперь уместно обратиться к предсказанию будущего у славян в дохристианскую эпоху. Ключевая информация по данному вопросу содержится в полемическом трактате *О письменах*, предположительно написанном в 893 году монахом Храбром, учеником св. Мефодия, но дошедшем до нас в более поздних списках. Он открывается словами: «Прежде славяне не имели книг, а читали и гадали чертами и резами, будучи язычниками»¹⁵. Можно оставить в стороне спекуляции о дохристианской грамоте среди славян, поскольку навыки чтения будущего не требуют грамотности в обыденном смысле, как это уже было отмечено в связи с ситуацией в Анатолии. У нас нет точной информации

нехеттском для определенных морфологических классов, включая сюда и консонантные основы, к которым принадлежит UD.KAM-us = *siwattus*.

¹⁵ Ср. старославянский текст: *Прѣжде оубо словѣне не имѣахъ книгъ, нѣ чрѣтами и рѣзами чѣтѣахъ и гатаахъ погани сѣще*. Относительно возможных этимологических связей ст.-слав. *rězy*, см. Топоров 1974: 12—19.

о том, как черты и «резы» использовались при гадании. Однако нет оснований подвергать сомнению свидетельство Храбра, который жил на рубеже христианизации славян и поэтому должен был обладать определенными познаниями в их дохристианских традициях.

Ц.-слав. *čьrta* 'черта', упоминаемая Храбром как инструмент гадания, исторически связана с праслав. *čьrtь, если его первоначальным значением было «чертежник». Соотношение между этими двумя существительными функционально напоминает соотношение лув. *GUL-zattar* 'чертеж, черновик' и *GUL-za* 'божество судьбы'. Развивая данную параллель, можно предположить, что праслав. *čьrtь также считался божеством судьбы. Подобно тому, как в праанатолийском глагол **guls-* использовался для предначертания судьбы, праслав. глагол *čьrtati мог использоваться в том же значении (ср. рус. *предначертать*). Начертание пиктограмм, возможно, ассоциировавшееся с процессом предначертания судьбы у древних анатолийцев и древних славян, могло также использоваться гадателями, желавшими проникнуть в замыслы предначертателей судьбы. В империи Хаттусы подобная гадательная практика приняла облик оракулов KIN, тогда как славянский источник сохранил лишь смутное упоминание о чертах и «резах».

С другой стороны, связь между гаданием, чертом и защитной чертой хорошо отражена в русском фольклоре. Несмотря на неодобрение православной церкви, в сельской местности была широко распространена практика гадания из-за защитной черты, в особенности среди девушек, желавших увидеть своего суженого или узнать его имя. Андрей Трофимов (Москва / Марбург) любезно поделился типичным заклинанием, сопровождающим данный тип гадания, которое он записал в Каргопольском районе Архангельской области: *Чёрти, по черте. По кругу три чёрта, в кругу нет никого*¹⁶. Предполагалось, что чертей можно принудить выдать заветную информацию, если ритуал правильно совершался на сакральном пространстве за защитной чертой, однако при нарушении правильной процедуры ритуала черти могли навредить девушкам¹⁷. Из-за большого промежутка времени к любым параллелям между современными ритуалами и гаданиями древних славян следует относиться с осторожностью. Существенно, однако, что русский фольклор наделяет черта знанием будущего, что как будто бы не вытекает из других его известных свойств. Вполне вероятно, что данная особенность могла быть унаследована от его языческого предшественника.

Для понимания того, как концепт предначертания судьбы мог независимо распространиться в Анатолии бронзового века и в юго-восточной Европе в эпоху раннего средневековья, следует напомнить, что оба региона развивались в тени письменных цивилизаций, соответственно, Месопотамии и Византийской империи. Языковые сообщества, не обладающие навыками письма, а лишь смутными представлениями о данной практике, легко могут ассоциировать его с волшебством. Классическим мотивом в поддержку данного наблюдения является история Беллерофонта, отправленного в Ликию с запечатанной табличкой, содержащей инструкцию по его собственному убийству. Данный эпизод является единственным упоминанием письма в Илиаде (II. VI: 166—170), причем содержимое таблички определяется там как «злосоветные знаки» (σῆματα λυγρὰ). Было бы неудивительно, если бы все письменные тексты воспринимались сходным образом в

¹⁶ Данное заклинание было записано в этнолингвистической экспедиции РГГУ в 1995 году. Информантом была М. В. Крапивина (1918 г.р.)

¹⁷ Это не единственный пример применения защитной черты в восточнославянской магии. Как любезно напомнил мне М. Живлов, русская идиома *очертя голову* восходит к жесту древних воинов, проводивших условную защитную черту головы перед тем, как ринуться в бой.

гомеровской Греции, где микенская слоговая письменность уже вышла из употребления, алфавит финикийского происхождения еще не приобрел популярности, но тем не менее имелись смутные представления об идее письма¹⁸. Сходным образом, поверхностное знакомство с идеей передачи письменных сообщений могло побудить как анатолийцев, так и славян приписать им магические свойства, а покровителями данного типа магии стали, соответственно, ^d*Gulsēs* и **čbrtv*¹⁹.

9. Армянский чертежник.

Обсуждаемый сценарий вызывает естественный вопрос о путях демонизации **čbrtv*'а. Можно предположить, что функция ангела смерти, естественная для божества судьбы, могла играть ключевую роль в данном процессе. Подобная функция уже упоминалась в контексте хеттских ^d*Gulsēs*, а одна из греческих мойр, Атропос, специализировалась на перерезании нити жизни. Здесь, однако, уместно остановиться еще на одной параллели, которая иллюстрирует пейорацию божества судьбы в контексте христианской культуры.

Согласно Расселу (Russell 1987: 305), армянская мифологическая фигура *Groł*, досл. «писатель» (ср. арм. *grel* 'писать'), представляет собой адаптацию западноиранского бога Тира, покровителя писцов и помощника при толковании сновидений. Вероятно также, что он воплотил черты урартского бога ^d*Huṭuini*, если последнего действительно можно отождествить с богом судьбы (ср. Petrosyan 2007: 181)²⁰. В средневековом армянском фольклоре *Groł* обладал четкими функциями: он записывал человеческие дела, забирал души тех, для кого настал час смерти, и передавал их на небо для суда²¹. Это была почтенная роль, которая привела к его отождествлению с архангелом Гавриилом в армянской придворной поэзии (Russell 1987: 302—303). Однако в современном армянском фольклоре *Groł* обладает совершенно иными коннотациями. Его боятся и ненавидят как ангела смерти, что и приводит к его частому появлению в проклятиях (ср. Russell 1987: 310). Два современных восточноармянских мягких ругательства, упоминающих *Groł* > *Groy* находят прямые параллели в русском языке: арм. *groyə tani* 'черт возьми' и арм. *groyə k^hez het* 'черт с тобой'. Данное сходство, возможно, вызвано контактным схождением

¹⁸ Возможным косвенным свидетельством негативных коннотаций индоевропейского корня **peik-* 'рисовать, писать' возможно, являются начальные строчки гимна Сапфо, посвященного Афродите, в котором содержится призыв к «бессмертной Афродите, обладающей расписным тронном» (Ποικίλοθρον', ἀθάνατ' Ἀφροδίτα) не подавлять дух поэтессы. Можно лишь задаваться вопросом, обладало ли греческое прилагательное ποικίλος 'расписной' путающими ассоциациями в лесбийском диалекте древнегреческого. Я благодарен Н. Эттингеру (Эрланген) за данную параллель, предложенную с должной осторожностью.

¹⁹ Независимым доводом в пользу пассивного знакомства древних славян с письменностью до Св. Кирилла и Мефодия является германское происхождение общеславянского **buky* 'буква (ед.); книга, документ (мн.)'. Германские формы, обычно приводимые в этой связи, включают готское *boka* 'буква (ед.); книга, документ (мн.)' и древневерхненемецкое *buoh* 'буква (ед.); книга (мн.)'. Данные германские существительные являются производными от названия бука, что обычно объясняется в контексте использования буковой коры для древнегерманских рунических и алфавитных надписей (Pronk-Tiethoff 2013: 80—82). Как отметил один из рецензентов, сами германские племена могли наделять руны магическими чертами, ср. др.-исл. *rún* 'буква (ед.); магия (мн.)'.

²⁰ Функции ^d*Huṭuini* не могут быть восстановлены по контекстам, хотя этимологически можно сравнить урартское абстрактное существительное *huṭutuhi* с позитивным значением ('счастье, удача'(?)). Основным аргументом в пользу интерпретации *Huṭuini* как бога судьбы является сходство его имени с хурритскими теонимами ^d*Hutena* и ^d*Hutellura*, которые, в свою очередь, принадлежат к функциональным эквивалентам хетт. ^d*Gulsēs*, согласно текстам из Хатгусы (Otten 1971).

²¹ Армен Петросян (личн. сообщ.) напоминает мне о внутренней форме древнеармянского *čakata-gir* 'судьба', досл. 'то, что написано на лбу'.

между армянской и русской эксплетивной идиоматикой, но такой процесс едва ли был бы возможен без предварительного отождествления *Groγ*’а и черта.

Тот же маршрут семантической пейорации можно предположить и для славянского Чертежника. Из всех событий человеческой жизни, предопределяемых судьбой, славяне, вероятно, ассоциировали с чертом самое последнее. Не исключено, что это было результатом синкретизма между чертом и иным божеством, относящимся к миру мертвых, возможным когнатом лит. *vėlnias*²². Тем не менее, роль мифологического ангела смерти едва ли более способствует улучшению репутации, чем роль палача в этом подлунном мире. От нее был один лишь шаг до отождествления с воплощением зла, что и произошло с приходом христианства. Единственное, что осталось от старой функции черта — это, возможно, его связь с гаданием.

10. Заключение.

Сравнительная мифология является областью, где строгие доказательства едва ли возможны. Хотелось бы, однако, надеяться, что предлагаемая этимология праслав. *čьrtь обладает двумя ключевыми преимуществами перед альтернативами, обсуждаемыми в начале статьи. Во-первых, она постулирует производящую основу *čьrsti / čьrtq ‘чертить, бороздить’, которая хорошо засвидетельствована в славянских языках и прозрачный дериват со значением ‘чертежник’, который хорошо согласуется с правилами славянской морфологии. Во-вторых, все постулируемые гипотезы относительно религии славян находят типологические параллели в других индоевропейских традициях. Обозначение бога судьбы как ‘чертежника’ обнаруживает полную параллель в анатолийских языках и приблизительную параллель в армянском, тогда как предполагаемое развитие бога судьбы в демоническую фигуру прямо повторяет эволюцию армянского *Groł*. Некоторые альтернативные этимологии для праслав. *čьrtь также можно считать формально безупречными, другие являются семантически удовлетворительными, но ни одна из них не обладает обоими качествами. Поэтому предлагаемая реконструкция славянского чертежника является наилучшим доступным решением.

Литература

- Березович, Е. Л., Л. Н. Виноградова. 2012. Черт. *Славянские древности*, под ред. Н. И. Толстого. Том 5: 519–527. М.: Международные отношения.
- Дукова, Уте. 1984. Праслав. *čьrtь ‘черт, злой дух’ / герм. *skrat*- ‘лесной дух, черт. *Этимология* 1982: 61–3. М.: Наука.
- Черных, П. Я. 1994. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. 2-е изд. М.: Русский язык.
- Иванов, В. В., В. Н. Топоров. 1974. *Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов*. М.: Наука.
- Раденкович, Л. 2014. Черт и/или межевой. Наименование беса «черт» у славян. *Wiener Slawistisches Jahrbuch* (Neue Folge) 2: 152–162.
- Расторгуева, В. С., Дж. И. Эдельман. 2000—. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1—. М.: Наука.
- Топоров, В. Н. 1974. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам. *Этимология* 1972: 3–19. М.: Наука.
- Трубачев, О. Н. (ред.). 1974—. *Этимологический словарь славянских языков*. Т. 1—. М.: Наука.

²² В этой связи уместно упомянуть демонизацию славянского бога Велеса / Волоса в ряде традиций, в особенности в древнечешской (Иванов, Топоров 1974: 66). Можно предположить, что частичный синкретизм черта и Велеса имел место уже в дохристианский период, вне зависимости от того, принимать ли этимологическую связь между праслав. *welsъ и лит. *vėlnias*.

References

- Archi, Alfonso. 1974. Il sistema KIN della divinazione hittita. *Oriens Antiquus* 13: 113–144.
- Berezovich, E. L., L. N. Vinogradova. 2012. Chert. *Slavyanskije drevnosti*, pod red. N. I. Tolstogo. Tom 5: 519–527. Mocsow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Bezljaj, France. 1977. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Vol. 1: A–J. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- Brückner, Aleksander. 1918. Über Etymologien und Etymologisieren. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 48 (3/4): 161–229.
- Chernykh, Pavel J. 1994. *Istoriko-etimologičeskij slovar sovremennogo russkogo jazyka*. 2nd ed. Moscow: Russkij jazyk.
- Dukova, Ute. 1984. Praslav. *čbrtv ‘chert, zloj dukh’/germ. *skrat-* ‘lesnoj dukh, chert’. *Etimologija* 1982: 61–3. Moscow: Nauka.
- Fraenkel, Ernst. 1962–65. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. 2 vols. Heidelberg: Winter.
- Haas, Volkert. 1994. *Geschichte der hethitischen Religion*. Leiden: Brill.
- Ivanov, Vyacheslav V., Vladimir N. Toporov. 1974. *Issledovanija v oblasti slavianskikh drevnostej: leksičeskije i frazeologičeskije voprosy rekonstrukcii tekstov* Moscow: Nauka.
- Jacobson, Roman. 1959. Marginalia to Vasmer’s Russian etymological dictionary (p-я). *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 1959 (1/2): 266–277.
- Katičić, Radoslav. 2003–2004. Uz rub rječnika hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. *Folia Onomastica Croatica* 12–13: 259–274.
- Kloekhorst, Alwin. 2008. *Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon*. Leiden: Brill.
- MacKenzie, David N. 1971. *A Concise Pahlavi dictionary*. Oxford: Oxford University Press.
- Otten, Heinrich. 1971. Gulš-Gottheiten. *Reallexikon der Assyriologie* 3: 598.
- Petrosyan, Armen. 2007. State pantheon of Greater Armenia: earliest sources. *Aramazd (Armenian Journal of Near Eastern Studies)* 2: 174–201.
- Pirart, Éric. 2004. *L’éloge mazdéen d’ivoresse : édition, traduction et commentaire du Hōm Stōd*. Paris: L’Harmattan.
- Pronk-Tiethoff, Saskia. 2013. *The Germanic Loanwords in Proto-Slavic*. Amsterdam: Rodopi.
- Radenković, Ljubinko. 2014. Chert i/ili mezhevoj. Naimenovanje besa «chert» u slavjan. *Wiener Slawistisches Jahrbuch (Neue Folge)* 2: 152–162.
- Rastorgujeva, Vera S. & Dzhoj. I. Edelman. 2000–. *Etimologičeskij slovar iranskikh jazykov*. Moscow: Nauka.
- Russel, James A. 1987. *Zoroastrianism in Armenia*. Harvard University Press.
- Rix, Helmut et al. (eds.). 2001. *Lexicon der indogermanischen Verben*. 2nd ed. Wiesbaden: Reichert.
- Smoczyński, Wojciech. 2007. *Słownik etymologiczny języka litewskiego*. Vilnius: Vilniaus Universitetas.
- Taracha, Piotr. 2000. *Ersetzen und Entsühnen. Das mittelhethitische Ersatzritual für den Grosskönig Tuthalija (CTH *448.4) und verwandte texte*. Leiden: Brill.
- Toporov, Vladimir N. 1974. Slavianskije komentarii k neskolkim latinskim arkhaizmam. *Etimologija* 1972: 3–19. Moscow: Nauka.
- Trubachev, Oleg N. (ed.). 1974–. *Etimologičeskij slovar slavianskikh jazykov*. 32 vol. Moscow: Nauka.
- Vaillant, André. 1974. *Grammaire comparée des langues slaves*. Vol. 4. *La formation des noms*. Paris: Klincksieck.
- Vasmer, Max. 1953–1958. *Russisches etymologisches Wörterbuch*. 3 vols. Heidelberg: Winter.
- Waal, Willemijn. 2014. Hittite *gulš-/GUL-š-*, ^ᵛ*gulšeš/ᵛGUL-šeš*, Cuneiform Luwian *gulzā(i)-/GUL-zā(i)-*, Hieroglyphic Luwian *REL-za-* and the *Kuwanšeš*-deities. In P. Taracha and M. Kapelus (eds.). *Proceedings of the Eighth International Congress of Hittitology, Warsaw, September 2011*: 1016–1033. Warsaw: Agade.
- Yakubovich, Ilya. 2013. The Luwian Deity Kwanza. *Aramazd (Armenian Journal of Near Eastern Studies)* 8 (1–2): 282–297.

Ilya S. Yakubovich. The Slavic draughtsman: etymology of Slav. *čbrtv ‘devil’.

The paper addresses the origin of the Slavic word for ‘demon, devil’, which can be reconstructed as *čbrtv but does not have obvious cognates elsewhere in Indo-European. Using typological parallels from other Indo-European religious traditions, notably Anatolian and Armenian, I aim to demonstrate that Proto-Slavic *čbrtv can be interpreted as a supernatural

Draughtsman in charge of determining human fate. The original god of destiny probably came to be perceived as the bringer of death and then syncretised with the embodiment of all evil in the Christian tradition.

Keywords: etymology, devil, Slavic, Anatolian, Armenian.

